

Е. Д. КУКУШКИНА

БАСНИ РОЖЕ ЛЕТРАНЖА В РУССКИХ СТИХОТВОРНЫХ ПЕРЕЛОЖЕНИЯХ

В конце I — начале II в., когда основоположники латинской басни Федр и греческой — Бабрий переложили басни Эзопа стихами и издали их, сложился основной эзоповский цикл, и басня оформилась как литературный жанр. С тех пор на протяжении веков басни переводились с языка на язык, их сюжеты многократно пересказывались, а сам жанр менял свое обличье.

Роже Летранж (Роджер Л'Эстрейндж, Roger L'Estrange, 1616–1704), английский писатель, журналист, политический деятель, расширил корпус эзоповских басен до пятисот. Книга Летранжа, опубликованная в 1692 г. в Англии, выдержала до 1720 г. восемь изданий. Второй ее том был напечатан в 1699 г. В 1747 г. она была переведена на русский язык С. С. Волчковым (1707–1773) и издана в типографии Академии наук.¹ В Россию книга Летранжа попала не через амстердамское ее издание 1714 г., указанное в «Сводном каталоге русской книги XVIII века»,² а бла-

¹ Эзоповы басни с нравоучением и примечаниями Рожера Летранжа / вновь изданные, а на российской язык переведены в Санктпетербурге канцелярии Академии наук секретарем Сергеем Волчковым. Печатаны в Санктпетербурге при Академии наук 1747 года. Далее ссылки на это издание по его репринтному воспроизведению (М., 2017) даются в тексте статьи с пометой «Летранж» и указанием страниц.

² Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1966. Т. 3. № 8548.

годаря немецкому переводу-посреднику.³ Предположение, что Волчков переводил книгу Летранжа с немецкого языка, было высказано В. П. Адриановой-Перетц на основании того, что в «Предисловии» к ней составителя речь идет о «немецких школах», а в тексте одной из басен осталось непереуведенным немецкое слово браутс-камера.⁴ Позже это предположение было поддержано другими исследователями.⁵

Косвенным доказательством использования немецкого посредника могло также служить пребывание Волчкова в Берлине в 1730–1735 г. в должности секретаря русского посольства. За годы работы переводчиком, в затем директором Сенатской типографии (1759–1773) С. С. Волчков перевел более двадцати книг с немецкого и французского языков. Его словарный труд «Новый лексикон на французском, немецком, латинском и российских языках» (1755–1764. Ч. 1–2), предназначенный для путешественников, пользовался популярностью до начала XIX в.⁶

На протяжении XVIII в. книга Летранжа в переводе Волчкова многократно перепечатывалась в России. После первого издания 1747 г. — в 1760, 1783, 1791 гг. и дважды в XIX в. (1810, 1815). Причем начальный тираж 1200 экземпляров при втором тиснении в 1760 г. удвоился. В «Примечаниях к Санкт-Петербургским ведомостям» в феврале и марте 1776 г.⁷ сообщалось о выходе в 1775 г. третьего издания. Объявление сопровождалось краткой аннотацией: «Книга весьма известная приятным и остроумным нравоучением». В числе разыскиваемых изданий «Сводного каталога русской книги XVIII века гражданской печати» издание 1775 г. упоминается как четвертое, а третьим названо еще одно — 1762 г. Таким образом, книга Летранжа в XVIII в. выдержала

³ Esopi Fabeln / Mit Herrn Roger L'Estrange Lehren und Anmerckungen aus dem englischen übersetzt. Leipzig, 1714.

⁴ См.: Адрианова-Перетц В. П. Басни Эзопа в русской юмористической литературе XVIII века // Известия ОРЯС АН СССР. Л., 1929. Т. 2. Кн. 3. С. 381.

⁵ См.: Imendörffer H. Die Geschichte der russischen Fabel in 18. Jahrhundert: Poetik, Rezeption und Funktion eines literarischen Genres. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden in Kommission. Teil 1. S. 108–109; Николаев С. И. «И мы яблока плывем» (из фразеологии журнальной полемики 1769 г.) // Аониды: Сб. статей в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой. М.; СПб., 2013. С. 14–15; Брагоне М. К. Эзоп в России XVIII века: Несколько наблюдений над переводом С. С. Волчкова // См.: Наст. изд. С. 63–85.

⁶ Биржакова Е. Э. Волчков Сергей Саввич // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1: (А–И). С. 173–174.

⁷ 1776. Февраль. С. 8; 1776. Март. С. 11.

в России шесть изданий. В 1766 г. по предложению инспектора академической гимназии Л. И. Бакмейстера она была отредактирована академическим переводчиком И. С. Барковым и издана «для детского употребления» с сокращенными нравоучениями и без примечаний, «рассеивающих внимание учеников».⁸

Летранж включил в свою книгу переводы и переложения басен Федра (20 г. до н. э. — ок. 50 г. н. э.), Бабрия (Бабриаса, II в.), Афтония Антиохийского (кон. III — нач. IV в.), Авиана (кон. IV — нач. V в.), И. Н. Камерария (1500–1574), П. Невелета (р. 1554 г.), Ж. Бодуэна (А. де Бандоля, 1590–1650), Ж. де Лафонтена (1621–1695) «и из других книг лучшее». При этом он отметил, что «до наших времен дошедшая история о Езопе так темна и сумнительна, что оригинала со списком узнать и за вероятно утвердить нельзя, которые басни сам Езоп сочинял, и которые после его от других выдуманы» (Летранж: 1, 10). Русский переводчик Волчков выбрал из перевода Летранжа, содержащего 201 басню, 188 басен по своему вкусу. В основном следуя очередности Летранжа, он опускает тринадцать басен.⁹

На Руси были знакомы с жанром басни и с более чем 350 эзоповскими сюжетами благодаря переводам Ф. Гозвинского с греческого языка (1607), А. А. Виниуса — с немецкого (1674) и П. Кашинского — с польского (1675).¹⁰ Рукописные сборники басен служили материалом для чтения в петровское время и переписывались до второй половины XVIII в., несмотря на появление печатных изданий. Так, «Зрелище жития человеческого» А. Виниуса в 1712 г. было идеологически отредактировано и напечатано в Московской синодальной типографии. В 1712 г. в Москве и в 1717 г. в Санкт-Петербурге были изданы и продавались в книжных лавках «Эссоповы притчи», переведенные И. Копиевским с амстердамского издания 1700 г.¹¹ С переводом Волčkова

⁸ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати... Т. 3: Р–Я. С. 423. № 8552.

⁹ *Imendörffer H.* Die Geschichte der russischen Fabel in 18. Jahrhundert S. 109.

¹⁰ *Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р.* Эзоп на Руси. Век XVII. СПб., 2005. С. 7–11; *Коренева М. Ю., Михайлова И. М.* К вопросу о европейских источниках «Зрелища жития человеческого» (1674) // Скандинавская филология. 2016. (Т. 14). Вып. 1. С. 81–91.

¹¹ *Крюк Е.* Переиздания «Эссоповых притч» Ильи Копиевского как отражение языковой политики Петра I // Петр Великий и Европейский интеллектуальный мир. Циркуляция знаний, взаимовлияния. 1689–1727: Коллективная монография. Париж; СПб., 2020. С. 623–629.

в русскую литературу влились новые басенные сюжеты, в том числе в переложениях западноевропейских авторов. Отличительной чертой переложений Летранжа стала сдержанная, зачастую лишенная подробностей манера их изложения. Летранж, в отличие от его предшественников-переводчиков, отказался от стихотворной формы подлинников и вернул басням сжатый эзоповский стиль повествования, который нарушается лишь в нескольких баснях. Другой отличительной чертой книги стала ее дидактичность. Каждая басня, а иногда сюжеты нескольких басен, сопровождаются не только сформулированной «Моралью» (переводчик называет ее «Учением»), но и пространным «Примечанием», в котором поучительный вывод из сюжета разъясняется читателю с использованием примеров из истории, мифологии, церковных преданий. Зачастую «Примечание» существенно превосходит басню по объему. Летранж пишет об искушении, грехе, о Христе, божественном провидении, Божиим попечении и наказании. Житейские правила поведения человека в обществе интерпретируются им с точки зрения христианской морали. В 1701 г. Джеймс Гордон (1665–1746), епископ Абердинский, опубликовал «Примечания к изданию Эзоповых басен сэра Роджера Л'Эстранжа» отдельной книгой. Таким образом, на русском языке был «представлен не только сильно морализированный, но и христианизированный Эзоп».¹² Объясняя структуру книги, предназначенную для преподавателей и воспитателей детей, издатель писал в «Предисловии»:

Хотя сим фабулам басни почти во всех немецких школах детей учат, однако они по малолетству своему <...> одни только слова говорят или наизусть вытверживают, а силы и нравоучения басни ничего не знают. Учители им на всякой день по целой фабуле вместо урока задают, а о том ни мало не пекутся, дабы мальчику ясно истолковать к какой нравоучительной пользе сила и содержание той басни клонится, которую младенец, на память вытвердив, перед ним сказывает. Детям надобно прежде всего то сказать, что делать, потом указать, как делать, а затем уже основательным представлением и своим добрым примером к тому их приучать, чтоб они все показанное им с охотою и без принуждения делали. А ежели при воспитании от правого пути на один шаг удалиться, то от сего во всю человеческую жизнь кроме стыда и беспокойства ничего доброго не будет (Летранж: 11–12).

¹² См.: *Imendörffer H. S. Die Geschichte der russischen Fabel in 18. Jahrhundert.* S. 111.

Басня, возникшая как особый жанр светской литературы, отличный от религиозной притчи, долго оставалась ей близка. Книга Летранжа прекрасно подходила для дидактической практики.

Еще со времен рубежа классической и эллинской эпох, когда возникли первые сборники басен (самый ранний из них был составлен около 300 г. до н. э.) и сложился тип школы в три ступени: начальная, грамматическая и риторическая, басня стала незаменима в учебном процессе. Выделив прямое значение морали, ученикам предлагали сочинить на нее басню. Такие упражнения «имели целью подготовить ученика к использованию басни как одного из средств аргументации в публичной речи».¹³ Таким образом, басня в книге Летранжа отчасти возвращалась к функции, которую имела в пору своего возникновения — служить примером в аргументации, но с некоторой разницей: пример у Летранжа предварял аргументацию, сформулированную в примечаниях, и басня предназначалась не для публичных выступлений, а имела образовательное и воспитательное значение.

Традиция сочинять басни на уроках риторики была продолжена и в России. Книга Летранжа служила пособием для обучения в русских духовных семинариях. Как установила А. С. Силина, тринадцать басенных сюжетов из различных источников, в том числе из книги Летранжа, переложенные сапфической строфой, содержатся в рукописном сборнике, составленном в 1763–1764 г. Гавриилом Софрониевичем Шutowым (1743–1807), учеником, а затем преподавателем (1764–1768) Вятской духовной семинарии. Переложения басен содержит также ученическая тетрадь семинариста Агафона Свешникова, составленная в конце 1760-х — начале 1770-х гг.¹⁴ Овладение жанром басни входило в программу Славяно-греко-латинской академии в годы учебы в ней Ломоносова. Сохранился отзыв «Pulchre» («Отлично») учителя поэтики Ф. Кветницкого на рукописном листе с текстом стихотворения Ломоносова «Стихи на туясок».¹⁵ Его сюжет восходит к басне Эзопа,¹⁶ с которой Ломоносов мог познакомиться в переводе Ф. Гозвинского и ко-

¹³ Гаспаров М. Л. Избранные труды. О поэтах. М., 2018. С. 215, 241.

¹⁴ Силина А. С. Стихотворные опыты Вятских семинаристов середины XVIII века // XVIII век. М.; СПб., 2015. Сб. 28. С. 50–51, 58–59.

¹⁵ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 10 т. М., 1959. Т. 8. С. 7.

¹⁶ Тарковский Р. Б. Старший русский перевод басен Эзопа и переписчики его текста. Л., 1975. С. 83–84.

торая затем неоднократно перелагалась другими баснописцами, в том числе Летранжем.

Перевод Волчкова постепенно вытеснял более ранние русские переводы Эзопа и получил популярность в различных слоях общества. Разделение краткого сюжета и морали в баснях облегчало возможность для сочинения их свободных переложений. Однако Сумароков оказался едва ли не единственным русским баснописцем, перелагавшим басни из сборника Летранжа. В. К. Тредиаковский, поместивший в первый том своих «Сочинений и переводов как стихами, так и прозою» (СПб., 1752. Т. 1–2) пятьдесят одну стихотворную басню под заголовком «Несколько Эзоповых басенок», избрал для своих переложений басни из книги видного немецкого ученого, гуманиста, профессора Лейпцигского университета И. Камерария. В этом, по-видимому, проявилось его желание «противопоставить свои басни и русской силлабической басенной традиции, и французской классицистической». В отличие от старых переводов, Тредиаковский исключал из текста басен Камерария мораль и аллегории, оставив в них только голую фабулу. В традиции гуманистической басни Тредиаковский понимал ее как жанр низкий, простонародный и стремился к созданию «стихов простых, без затей», не претендующих на изящество.¹⁷

Статья К. А. Заусцинского «Басни Сумарокова»¹⁸ впервые указывала источники, которыми пользовался Сумароков при переводах басен или переложении их на русский язык. Позже эти наблюдения были дополнены другими исследователями. Из 360 стихотворений, написанных Сумароковым в жанре басни,¹⁹ почти четвертая часть восходят к сочинениям Лафонтена. О его творчестве Сумароков с одобрением писал еще в 1748 г. в «Эпистоле о стихотворстве», за несколько лет до того, как сам обратился к басенному творчеству. Около трети басен являются собственными сочинениями Сумарокова, хотя возможно, некоторые из них опираются на заимствованные сюжеты, пока не выявленные.

¹⁷ Алексеева Н. Ю. Комментарии // Василий Тредиаковский. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб., 2009. С. 571–572.

¹⁸ Заусцинский К. А. Басни Сумарокова // Варшавские университетские известия. 1884. № 3–5. С. 1–126.

¹⁹ Около двадцати стихотворных текстов, включенных Н. И. Новиковым в Ч. 7. (Притчи) «Полного собрания всех сочинений...» А. П. Сумарокова (М., 1781), написаны в других жанрах.

Сюжеты шести басен Сумарокова восходят к сочинениям Х. Ф. Геллерта («Кокушка», «Медведь танцовщик», «Хвастун», «Рецепт», «Мздоимец», «Конь и Осел»), одна («Посол Осел») — к Франсуа де Кальеру (François de Callières, 1645–1717), одна («Ружье») к Имберу (Бартеlemi Эмбер, Barthélémy Imbert, 1747–1790). Г. А. Гуковский в статье «Библиографические заметки к „Полному собранию сочинений Сумарокова“» указал на варианты трех притч Сумарокова, обнаруженных им у Э. Бурсо (Edme Boursault, 1638–1701) («Старик и Осел», «Осел дерзновенный», «Лисица и Виноград»), на басню Ф. Барба (1723–1792) «Любовь» и на сказку Лафонтена («Волосок»)²⁰.

С сюжетами из сборника Летранжа в переводе Волчкова, по мнению Заусцинского, в различной степени схожи семнадцать басен Сумарокова. Однако широкая распространенность эзоповских сюжетов, их многочисленные переложения не позволяют во многих случаях проследить и более или менее убедительно установить последовательность их изменений и зависимость одних басенных текстов от других. Так, три басни Сумарокова о человеке, пожалевшем замерзшую змею и попытавшемся согреть ее на груди: «Прохожий и змея»,²¹ «Змея согретая»²² и «Змея и мужик», восходящие к эзоповскому тексту, близки к басням «Замерзшая змея и крестьянин» Федра (с моралью: кто помогает злым, потом раскается) и Бабрия.²³ Этот сюжет был известен на Руси также в прозаическом переводе П. Кашинского (1675). На источники сюжета указывает сам Сумароков в басне «Змея и мужик»: «Змея ползла <...>, / Но злей ее мороз... / Замерз червяк: мороз был это русский, / Не греческий и не французский <...> / Пусть Федр о том писал, Деллафонтен, Эзоп — / Застыл у червяка и хвост, и лоб...».²⁴ В своем

²⁰ Гуковский Г. А. Материалы к изучению Сумарокова // XVIII век. 1948. С. 857–869. Статья включена в серийный сборник, не вышедший из-за ареста Г. А. Гуковского. Корректурa сборника из библиотеки П. Н. Беркова хранится в библиотеке Белорусской АН, ее ксерокопия — в Отделе русской литературы XVIII века ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ссылки даются по ксерокопии.

²¹ Ежемесячные сочинения. 1756. Янв. С. 6. Подпись: [А. С.].

²² См.: Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. М., 1781. Ч. 7. С. 196.

²³ Античная басня / Пер. с греч. и лат., сост., предисл. и коммент. М. Л. Гаспарова. М., 1991. С. 307, 400. Далее ссылки на это издание даются в тексте с пометой «Античная басня» и указанием страниц.

²⁴ Змея и мужик // И то и сьо. 1769. Февраль. Шестая неделя. Анонимно, без загл. С. [6–7] (ненум.).

переложении Сумароков свел басенную мораль к лаконичному выводу: «Не согревай змеи», в котором уточнил смысловые акценты: слово «змея» означает не только название вида пресмыкающегося, но и характеристику человека, которого следует опасаться. Те же баснописцы: Федр, Бабрий, Виниус, а также Тредиаковский (раньше Сумарокова), переложили эзоповский сюжет о собаке, которая позарилась на отражавшийся в воде кусок мяса и потеряла тот, что она держала в зубах. У Летранжа эта басня носит название «Собака и стена» (Летранж: 75). Басни Сумарокова «Ворона и Лисица», «Осел и хозяин», «Кошка», «Обещание» и другие имеют больше сходства с баснями Лафонтена, чем Летранжа.

Е. Имендёрфер внесла коррективы в наблюдения Заусцинского и сократила количество басен, заимствованных Сумароковым из сборника Летранжа до двенадцати: «Петух с кошкою», «Лисица с терновым кустом», «Красильщик и угольщик», «Баба с жирною курицею», «Двое проезжих и мешок денег», «Кривой олень», «Осы в меду», «Лев, осёл и петух», «Волк с козленком», «Предсказатель», «Птицелов и скворец», «Овчар с волчонком».²⁵ По-видимому, Сумароков пользовался в своей работе переводом Волчкова. Это могло быть первое издание 1747 г. или одно из изданий 1760-х гг., так как большая часть переложений Сумароков из Летранжа приходится на период 1756–1769 гг. Маловероятно, что у него под рукой был немецкий перевод с английского языка. Такого перевода в Библиотеке Академии наук не было, по крайней мере, до 1742 г., о чем свидетельствует «Камерный каталог» БАН 1741–1742 г.,²⁶ в котором перечислены все литературные сочинения, хранившиеся к тому времени в библиотеке. В числе двадцати двух книг, которые Сумароков брал в Библиотеке Академии наук в конце 1740-х гг. и в 1755 г. никаких сборников басен нет.²⁷ Не было немецкого перевода книги Летранжа и в библиотеке Первого кадетского корпуса, которая хранится в РНБ.

Отношение Сумарокова к басням, которые он перелагал, удивительно точно характеризует его беспокойную самолюбивую личность. Он дополняет или сокращает сюжеты, по-своему их интерпретирует,

²⁵ Imendörffer H. S. Die Geschichte der russischen Fabel in 18. Jahrhundert. S. 340.

²⁶ Bibliothecae imperialis Petropolitanae: [в 4 ч.]. St. Petersburg, 1741–1742.

²⁷ Левитт М. Сумароков — читатель Петербургской библиотеки Академии наук // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 43–59.

вводит в них приметы реальной жизни, подчиняет сатирическим задачам. Лишь немногие басни из сборника Летранжа не претерпели под его пером заметных изменений.

Басня Летранжа «Лев, Осел и Петух» (Летранж: 413–416) на эзоповский сюжет «Осел, Петух и Лев» (Античная басня: 108) в переложении Сумарокова получила название «Высокомерной Осел». Ее сюжет опирается на древнегреческий миф о паническом страхе, который испытывает лев, услышав крик петуха. Летранж рассказывает, что Лев, увидев на лугу Осла, «проглотить его хотел», но услышал голос петуха и, «испугавшись, назад бросился», а Осел побежал за ним «в такой глупой надежде, будто Лев его испугался». Когда голос Петуха стал не слышен, «Лев, оборотясь, обеими лапами Осла схватил и в мелкие куски» изодрал. Сумароков избравший для своих басен особый стихотворный размер — гибкий и подвижный разностопный ямб, напоминающий разговорную речь, лаконично излагает сюжет басни, а завершает ее тремя динамичными стихами: «Насел / На Льва Осел / И на зубах у Льва висел».²⁸

Притча Сумарокова «Кошка и Петух»²⁹ стала переложением басни из сборника Летранжа «Петух с кошкою» на сюжет Эзопа «Кошка и петух» с моралью: «Когда дурной человек решит сделать зло, то он поступит по-своему, не под благовидным предлогом, так в открытую» (Античная басня: 16). Под названием «О коте и петеле» она стала известна на Руси в обработке Виниуса, которая отличается от эзоповского варианта. На упрек кота, что петух, «окаянный многоженец и любодей», еще и «в ночи вопиеш и человеком опочивати не даси», петух оправдывает себя не тем, что будит их на работу (как у Эзопа), а своей природой: «не един он сие творит, но яко же естество ему подаде, тако и творяше».³⁰ Летранж в басне «Петух с кошкою» (Летранж: 66–67) пересказал эзоповскую басню близко к тексту, используя, как и Эзоп, прямую речь персонажей. «Учение» к ней он объединил с «Учением» к басне «Волк с ягненком», имеющей схожую мораль. В пространном «Примечании» к двум басням он, в частности, пишет: «Свирепство гордых еще так бесстыдно, что они людям невозможные бремена на-

²⁸ Притчи Александра Сумарокова. СПб., 1769. Кн. 3. С. 34–35.

²⁹ Ежемесячные сочинения. 1756. Янв. С. 63. Подпись: А. С.

³⁰ Виниус А. А. «Зрелище жития человеческого» // Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р. Эзоп на Руси... С. 340.

лагают и нелепую на них лгут» (Летранж: 70). Сумароков сохраняет диалог персонажей, при этом его третий стих, пронизанный скрытой иронией: «Старалась правый суд явить ему она» (кошка. — *Е. К.*), усиливает сатирический смысл басни, не нуждающейся в сформулированной морали.

Более откровенно элементы сатиры Сумароков использует в басне «Лисица и терновый куст»,³¹ которая является переложением басни из книги Летранжа «Лисица с терновым кустом» на сюжет Эзопа «Лиса и терновник». Лисица бранит терновник за то, что она уколола о него лапы. «Лишь неразумные просят помощи у тех, кому от природы свойственное приносить вред», — учит Эзоп (Античная басня: 90). Ему вторит Летранж: «Тот очень не умен, кто в нужде или в беде своей у злых людей помощи ищет» (Летранж: 315–316). Сумароков акцентирует внимание читателей на характере лисицы. У Эзопа лисица ухватилась за терновник, оступившись. В переложении Летранжа она пряталась от собак. У Сумарокова лисица, которая «науку воровства всю знает наизусть», потянулась за плодами терновника. Сумароков русифицирует сюжет, применяет неожиданные аналогии и подобию: сходство между повадками лисицы и поведением мошенников-подьячих: «Лисице ягоды прелестны на сучках, / И делает она в терновник лапой хватки, / Подобно как писец примается за взятки...». Терновый куст он уподобляет сатире: «мотивы подьяческого стяжательства вводятся в качестве приемов метафорического уподобления, даже не вытекая непосредственно из сюжета притчи».³²

Интересные последовательные семантические изменения произошли с вариантами басни Эзопа «Волк и козленок» (Античная басня: 112), в которой козленок, оказавшись в смертельной опасности, проявляет хитрость и просит волка сыграть на дудке, чтобы дать ему возможность поплясать и не погибнуть бесславно. Музыка привлекает собак. Убегая, волк говорит: «Так мне и надо. Нечего мне, мяснику, притворяться музыкантом». Мораль басни учит не упускать удобный случай: «Когда люди берутся за что-нибудь не вовремя, упускают и то, что у них в руках». В переложении Летранжа «Волк с козленком» (Летранж: 458–460) волк, «бедный, изодранный» собаками, «лежачи при смерти», также

³¹ Праздное время, в пользу употребленное. 1760. 18 нояб. С. 320–321. Подпись: С.

³² Стенник Ю. В. Русская сатира XVIII века. Л., 1985. С. 62.

сожалеет, что принялся «не за свое дело и ремесло». «Учение» к басне одобряет находчивость козленка: «Ежели хитрого обманщика похвалить, то и самой простак обмануть его может», а в «Примечании» говорится о Божией милости и Провидении, приходящих «одному на помощь, а другому на посрамление». Сумароков добавил в свое переложение басни «Волк и Козленок» психологизм и некоторую меру правдоподобия в отношении животных. Его козленок плачет и дрожит от страха. Он прощается с рошицами, лугами и цветами, а волк заставляет его плясать. В четырех заключительных стихах Сумароков расширяет значение басенной морали, перенося ее в социальную плоскость, и выражает свое отношение к ней: «Волк инако запел, / А именно в зубах собачьих захрипел. / О, если б так всегда стесненный свободжался, / А утеснитель так по-волчью награждался!». ³³

Переосмыслена Сумароковым также басня Летранжа «Птицелов и Скворец» (Летранж: 299–301), восходящая к эзоповскому сюжету «Птицелов и жаворонок» (Античная басня: 139). Летранж рассказывает, что Птицелов, расставивший сети, солгал жаворонку, что строит город, и обманом заманил его под сеть. В «Учении» говорится об опасной доверчивости любопытного человека, который «в чужие дела мешается». Сумароков в четырех начальных стихах басни «Птичник и Скворец», как и Эзоп в сформулированной морали, придает басенной аллегории расширительный социальный смысл и говорит о необходимых нормах общественного устройства: «Чтоб город был народен, / Потребно, чтоб народ был весел и свободен, / Дабы блаженство в нем с довольствием текло / И к жительству людей стремительно влекло». ³⁴

В некоторых случаях слегка измененная характеристика персонажа меняет смысл басенного сюжета. Так произошло с басней Летранжа «Баба с жирною курицею» (Летранж: 283–285) на сюжет Эзопа «Женщина и курица» (Античная басня: 101), в которой перекормленная и потому разжиревшая курица, вопреки ожиданиям хозяйки, перестала нестись. Летранж начинает басню словами: «У добренькой старушки была такая курица...». Сумароков в басне «Перекормленная курица» объясняет скрытую причину произошедшего: «Старуха некая разбогатеть хотела...». ³⁵

³³ Притчи Александра Сумарокова. Кн. 3. С. 7–8.

³⁴ Там же. С. 58–59.

³⁵ Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. Ч. 7. С. 254.

Не нарушая сюжета перелагаемой басни, Сумароков иногда наделяет ее другими персонажами и меняет обстоятельства действия. На сюжет Летранжа «Кривой олень» (Летранж: 407–410), восходящий к басне Эзопа «Олень» (Античная басня: 106), он пишет басню «Кривая Лисица». В баснях-предшественниках действие происходит на берегу моря. Оленя, потерявшего зрение на один глаз и остерегавшегося охотников и собак с берега, убивают люди, подплывшие на лодке. У Сумарокова Лисица пьет воду из реки, а смерть она принимает от стрелы рыбака. Летранж в «Учении» к басне убеждает читателя: «Человеку при всяких в жизни своей случаях и всегда себя остерегать надобно»; Сумароков в первых шести стихах спорит с Летранжем: «Хотя и должны мы всегда себя беречь, / Но можно ли во всем себя предостеречь? / Кто скажет „можно“, / Так это ложно: / Нельзя никак. / Я смело говорю, что это так», а затем создает в басне иллюзию устного рассказа, импровизации, используя в своих комических рассуждениях прием «авторского незнания»: «Лисица... была замужняя она, или девица, / Про то / Не сказывал никто. / Могла вдруг девка быть, и баба, и вдовица, / А попросту вдова. / Лишь только сказано, была она крива...».³⁶

Перелагая басни, Сумароков в некоторых случаях опускает второстепенные детали сюжета, сохраняя лишь его ядро, а вместо моральной сентенции указывает на тех людей, которых имеет в виду под изображенными персонажами. Так произошло с той басней Эзопа, которую пересказал в стихах Ломоносов, и с ее вариантом — басней Летранжа «Осы в меду». В ней говорится: «В непокрытую кринку меду налетело великое множество ос и шершней, которые, там сидя, так обожрались, что из патоки выдраться не могли, но принуждены были до тех пор сидеть, как хозяйка пришла и, ложкою снявши всех их, передала» (Летранж: 364–365). В «Учении» и «Примечании» читателя предупреждают об опасности укоренения привычек к «непорядочным веселиям и забавам» и «светским сладостям». Сумароков в басне «Шершни» делает своими персонажами самых крупных и опасных для человека летающих насекомых. Басня вместе с моралью, напоминающей пословицу, состоит из восьми стихов: «Шершни на патоку напали / И патоку поколупали. / Застала их хозяйка тут. / И тварь, которая алкала, / Хозяйка всю перешелкала. / Не долг был хозяйский суд. / Хозяйка — истина, а выкулупки — взятки, / Шершни подьячие, которые к деньгам падки».³⁷

³⁶ Притчи Александра Сумарокова. СПб., 1762. Кн. 1. С. 18–19.

³⁷ Там же. С. 55.

Эта притча, написанная в 1762 г. и осуждающая ненавистных Сумарокову подьячих, является, по мнению исследователей, откликом на указ императрицы Екатерины II о запрещении государственным чиновникам под угрозой уголовного наказания брать взятки.³⁸

Притчи Сумарокова «Угольщик» и «Красильщик и угольщик» восходят к басне Летранжа «Суконный валяльщик и угольник» (Летранж: 239), которая объединена у него «Учением» и «Примечанием» с басней «Ластовица с дроздом» и советует читателям во всех житейских союзах: в братстве, женитьбе, в дружбе, в купеческих занятиях знать склонность тех людей, с кем «дело иметь случится». Ласточка — птица летняя, она не может дружить с зимней птицей дроздом, а валяльщик не может пустить к себе жить угольщика, который начисто отделанную работу валяльщика «опять вымарает». У Сумарокова традиционная басенная последовательность между повествованием и вытекающим из него нравоучением нарушена, изменена и семантика текста. Его притча служит моральным назиданием об опасности злословия: «Когда худа родня, такие же соседы / Такие же друзья, такие же беседы, / И чистые сердца чернятся иногда. / Не сообщайтесь с плутами никогда! / Где угольщик живет, там черные собаки / И белые в дому все цветом одинаки».³⁹ Басня «Красильщик и угольщик» стала вторым, несколько расширенным ее вариантом. Она начинается с морали о необходимости избегать знакомства с плохими людьми, которая подтверждается кратким изложением сюжета: «Красильщику был угольщик сосед / Красильщика карает: / Запудрил у него весь дом / И, вься, пудра та столпом, / Все краски у него марает».⁴⁰

Столь же лаконично Сумароков перелагает басню Летранжа «Предсказатель» (Летранж: 291–292) на сюжет Эзопа «Гадатель» (Античная басня: 130). Летранж расширил эзоповский сюжет до небольшого рассказа о случае, произошедшем «в некотором городе», где жил предсказатель «на колдуна похожий». Он «трудные вопросы решил и многие вещи наперед угадывал, а для такого промыслу часто по деревням на торги и на ярмонки ездил». Когда «некто, подошедши к нему, сказал, что воры дом его покрали», тот «благим матом домой побежал» и,

³⁸ Степанов В. П., Степанов Н. Л. Примечания // Русская басня XVIII–XIX веков. Л., 1977. С. 541. (Библиотека поэта. Большая серия).

³⁹ Сумароков А. П. Притчи. СПб., 1762. Кн. 2. С. 66.

⁴⁰ Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. Ч. 7. С. 201–202.

«не доходя до двора», увидел насмешника, который сказал ему: «Что ты другим людям счастье угадываешь, а о себе ничего не знаешь?». Эту басню с двумя другими: «Ворожея» и «Астроном и прохожий» Летранж объединил «Учением», в котором говорится: «Главная сила предсказания в том состоит, чтоб предсказателю — крайнему глупцу и безстыдному вралю, а вопрошающему его — суеверному и лехкомышленному вероимцу быть». Сумароков в короткой притче «Астролог», близкой к анекдоту, дает возможность читателям самостоятельно сделать вывод: «Премудрый Астролог / В беседе возвещал, что он предвидеть мог / Лет за пять ранее, что с кем когда случится / И что ни приключится. / Вбежал его слуга и это говорит: / „Ступай, ступай скорей домой, твой дом горит“». ⁴¹

Переложением басни Летранжа «Овчар с Волчонком» (Летранж: 422–424) стала притча Сумарокова «Волчонок собакою». Она интересна тем, что автор, не используя прямой речи персонажей, имитирует ее. Сначала звучит голос автора, лаконично описавшего ситуацию: «Волчонка взял пастух и вырастил его у стада своего», потом возникает голос наивного пастуха: «Волчок Овцам добра желает / И на Волков по-песью лает <...> / Волчонок наш Волчок <...> Теперь он брат Овец, / Как вырастет совсем, так будет им отец». Его сменяют размышления Сумарокова, который набрасывает покров тайны на финал. Автор ведет разговор с читателем, не утверждая, что ситуация разрешится печальным исходом, но предполагая его: «Однако в деле колком / Не прямо ведом мне предбудущий их рок. / Так трудно прорекать, да я ж и не пророк, / Но молвлю наугад: Волк, чаю, будет Волком, / А подлинно сказать, конечно, не могу, / А ежели скажу, так, может быть, солгу». В «Примечании» к басне Летранж пишет, что «хотя злые склонности чем-нибудь во время утеснены или притворством скрыты будут, только худая природа ни добрым воспитанием, ни полезными увещаниями не переменился». Комментируя это утверждение, Сумароков в пятом и шестом стихах объясняет природу временного притворства волчонка: «Тому причина та, что стал он верный раб. / Причина верности: Волчок гораздо слаб». У басен Летранжа и Сумарокова разные финалы. Овчар Летранжа, увидев, что волк потащил барашка к лесу, догнал его «у самой рощи» и «на высокое дерево повесил». Персонаж Сумарокова

⁴¹ Там же. С. 251.

плачет, а автор осуждает его: «Поплачь, дурак, а впредки из Волков не делай ты собак».⁴²

Басня Сумарокова «Два прохожие», по-видимому, восходит к сюжету Эзопа «Путники» (Античная басня: 103–104), а не к басне Летранжа под названием «Двое проезжих и мешок денег», как полагает Е. Имендёрфер. Сюжет Эзопа и его переложение Летранжем различаются существенными деталями. Летранж рассказывает, что два человека ехали на телеге. Один из них, «нечто поднявши», другому сказал: «Я, брат, мешок с деньгами нашел». Товарищ ему ответил: «Не говори: я нашел, да скажи, что мы нашли, для того, что нас двое и всякую находку должны делить пополам. Только что он сие слово выговорил, <...> в стороне сделался от набегающих людей великой крик: „Воры, воры, лови, лови“. Находчик мешка, испугавшись, товарищу своему сказал: „Куда нам, братец, деваться? Пропали мы с тобой!“ „Что, брат ты это врешь“ — отвечал товарищ. Не говори: „Мы пропали“, да скажи: „Я пропал“. Когда <...> ты всем мешком один завладел, так пускай же тебя, поймавши, одного и повесят, а я с тобой для компании на виселицу не хочу» (Летранж: 437–439). «Учение» басни учит житейскому правилу: «В договоры и обязательства вступающие должны зло и добро вместе нести и всякие случаи поровну делить», а «Примечание» рассказывает о разном поведении в такой ситуации честного человека и человека лукавого. В переводах Гозвинского («О двою путешественников») и Кашинского («О двух путешественниках») находкой становится секира, а в переложении Кашинского «О двух товарищах» спор идет о коне.⁴³ В «Зрелище» Виниуса этот сюжет отсутствует. В басне Сумарокова, как и у Эзопа, причиной ссоры стал топор, ее персонажами были путники, шедшие по дороге, а виселица, как наказание, не упоминается. Русифицируя эзоповский сюжет, Сумароков превращает его в поучительный эпизод из деревенской жизни. Крестьяне узнают топор по приметам, обвиняют прохожего в воровстве: «С дубьем бегут со всех дворов / И все кричат: „Топор деревни этой, / Таков и эдаков приметой“. / По всей о топоре в деревне шум; / Крестьяне завсегда в таких случаях дружны. / Хозяин топора в то время всем был кум, / Все стали кумовья, и куму все услужны. / А бабы все кумы». Мораль

⁴² Притчи Александра Сумарокова. Кн. 3. С. 13–14.

⁴³ Тарковский Р. Б. Тарковская Л. Р. Эзоп на Руси... С. 236, 283, 412–413.

басни кратко формулирует второй мужик: «И слов и так, и сяк, мой друг, не изгибай. / Один нашел топор, один и погибай».⁴⁴

Позволим себе несколько расширить список басен Сумарокова, опиравшихся на сюжеты из книги Летранжа. Сочинения Сумарокова в басенном жанре прочными нитями были связаны с его творчеством в других жанрах, а книга Летранжа подсказывала ему мотивы и сюжеты для реализации своих мыслей и чувств. В основе басни Летранжа «Собака на сене» (Летранж: 263–264) о собаке, не допускающей лошадей до овса и сена, в которых сама она не нуждается, лежал широко распространенный средневековый латинской сюжет из Ульмского издания 1476 г. «Завистливая собака» (Античная басня: 256). В «Зрелище жития человеческого» Виниуса есть переложение этого сюжета под названием «О воле и псе». Собака не дает волю насытиться ему уготованным сеном: «Иди от мене, сие бо сено аще мы и не ямы, обаче постеля моя есть».⁴⁵ К этому сюжету восходят старинная русская поговорка «Сам не ям и другим не дам» и фразеологизмы: «Ни себе, ни людям», «Собака на сене». Работа Сумарокова над притчей «Ненадобное сено» велась, по-видимому, в ту пору, когда он писал комедию «Лихоимец» (1768), третью комедию о скупом человеке, одержимом страстью к деньгам после «Приданого обманом» (1756) и «Опекуна» (1764). Сюжет в переложении Летранжа послужил для Сумарокова основой для резкого сатирического высказывания. Его притча представляет собой характеристику гротескного образа центральных персонажей уже написанных комедий и содержит черты следующего сатирического образа — «изморщенного» старика Кашея из «Лихоимца». Сюжет басни, кратко изложенный в шести стихах, предваряется и завершается гневными страстными репликами против скупых людей: «Презрителен и гнусен / Ненасытимый человек, / Который в весь свой век / Лишь деньги собирать искусен, / И кто своих питает так людей, / Как кормит живодер на одрань лошадей, / Богатством ни себе довольства не являя, / Ниже его другим на нужды уделяя». И далее, после краткого изложения басенного сюжета: «Скупой! / Вот образ твой. Всех больше страсти сей подвластны старички <...> / Иссохшие во злобе, / И почитай уже лежащие во гробе, / Изморщенные, как сверчки, / Или

⁴⁴ Притчи Александра Сумарокова. Кн. 1. С. 42–43.

⁴⁵ Виниус А. А. «Зрелище жития человеческого». С. 315.

согнившие сморчки. / Такому псу желают люди смерти, / И чтоб его скорей отселе взяли черти».⁴⁶

В отличие от тех переложений, которые Сумароков превращает в бытовую сценку с диалогами, в некоторых случаях он опускает диалоги оригинала, сохраняет их только в финале и придает им значение басенной морали. Из трех притч Сумарокова под названием «Конь и Осел» самая ранняя, опубликованная в 1756 г. в «Ежемесячных сочинениях», является, как нам представляется, переложением басни Летранжа «Лошадь и Осел» (Летранж: 167–182). Басня о судьбе спесивого коня имеет большую историю. Она стала известна на Руси в прозаическом переводе П. Кашинского «Книга глаголемая Притчи Езопа Французского» (1675),⁴⁷ Ее сюжет под названием «Конь и Осел» восходит и к басне Федра, и к басне Бабрия, но разными составляющими его мотивами. Федр в большей степени описывает надменность и высокомерие коня, а Бабрий — зависть, которую испытывает к нему осел.⁴⁸ А. А. Виниус объединил эти мотивы в басне «О Коне и Осле».⁴⁹ Оба мотива присутствуют и в басне Летранжа. Но, в отличие от лаконичных басен предшественников и обычно кратких переложений самого Летранжа, этот сюжет в его изложении представляет собой живую занимательную сценку. Басня относит описанные в ней события к «старым годам», когда «лошади халдейским языком говаривали». По мнению М. К. Брагоне, этим выражением переводчик С. С. Волчков заменил упоминание латинского и греческого языка у Летранжа, желая устранить «ссылку на античность» и «включить повествование в контекст, связанный с Библией и библейскими персонажами», о которых говорится в пространном примечании к басне.⁵⁰

Летранж описывает, как лошадь в богатом серебряном уборе, догнав навьюченного осла, назвала его «гнусной скотиной», ударила копытами, объявила, что в лице своего господина «все благополучие государства»

⁴⁶ Притчи Александра Сумарокова. Кн. 3. С. 40–41.

⁴⁷ *Тарковский Р. Б.* Переводчик Эзопа Петр Кашинский: (Из истории древнерусского перевода) // ТОДРЛ. Л., 1993. Т. 46. С. 134, 152.

⁴⁸ *Федр, Бабрий.* Басни / Изд. подгот. М. Л. Гаспаров. М., 1962. С. 77, 154 (Сер.: Лит. памятники).

⁴⁹ *Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р.* Эзоп на Руси... С. 347.

⁵⁰ *Брагоне М. К.* Эзоп в России XVIII века: Несколько наблюдений над переводом С. С. Волčkова... С. 75.

на себе носит, а потом столкнула в канаву. Размышляя дома «над ржаною соломою», Осел готов был пожертвовать своим ухом, лишь бы поменяться участью с лошадыю. Но «на другой или на третий год» он увидел, что на лошади, сильно исхудавшей, возят навоз. Получив ранения на войне, она стала калекою и теперь не годится даже для упряжки в коляску. «В такой-то печальной перемене счастья ты меня видишь», — сказала она. Текст басни, занимающий в книге Летранжа три страницы, снабжен пространном примечанием на девяти с половиной страницах. Летранж осуждает гордость Коня и завистливость Осла: «Гордость и зависть такие две жестокие страсти, которые между всем родом человеческим наибольшее зло и вред с беспокойством, а в сердцах наших сильнейшее движение причиняют» (Летранж: 172). Он пересказывает ветхозаветное предание о Мардохее, обладавшем «некрадимым сокровищем доброй своей совести» и Амане, страдавшем «болезнью гордости», которую «ничем утолить невозможно», а заканчивает свои размышления описанием разных причин гордости, которым подвержены люди: «Одних гордость состоит в естве и питье; другие гордятся склонностью подлого народа; третьи гордятся красотою своего лица и тела с богатым платьем и убранством; четвертые красноречием и великодушием хвастают, а ни ума, ни храбрости не имеют; пятые лгут, будто львов и медведей дюжинами побивают, а как сильнейшие на них нападут, то в землю кланяются и за ноги хватают. Все сие уподобление касается до Езоповой гордой лошади. Что до ословой зависти принадлежит, то она двойное безумие» (Летранж: 180–181). Смысл и стиль этих рассуждений Летранжа едва уловимо проявились через несколько лет в монологе о гордости одного из персонажей комедии Сумарокова «Нарцисс» (1768–1769): «Недостойный богач величается богатством, высокопарный — великолепием, петеметр и петиметрка — щегольством, а Нарцисс — красотою: кто на чем сойдет с ума, тот тем и дурачится».⁵¹ Бабрий в своих баснях рисовал картину мира, где царит несправедливость и сильные гнетут слабых. Он призывал людей довольствоваться своей скромной долей, не посягая на большее.⁵² В том же ключе завершает свой комментарий Летранж: «Единый и лучший способ благополучия и спокойства есть сие, дабы то человеку терпеливо нести, чего

⁵¹ Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. М., 1787. Ч. 5. С. 210.

⁵² Гаспаров М. Л. Избранные труды. О поэтах. М., 2018. С. 280.

переменить нельзя <...>. А пока человек своей долею и состоянием доволен, до тех пор и счастлив. По сему сапожник и портной в теплой избе за своею работою гораздо счастливее Амана во всей его славе и богатстве» (Летранж: 181–182). Сумарокову была чужда философия смирения. Его басня построена на контрасте. Мотив зависти в ней отсутствует, а напряжение предстоящего конфликта создается в первых же стихах. «Конь гордый на пути украшен серебром, / Как рыцарь некакий, встречается с Ослом» (заметим, что серебряные украшения коня упоминаются только Летранжем и Сумароковым). В басне нет ни одной лишней детали, за исключением того, что Конь требует уступить ему дорогу, хотя он ее «не откупил» — намек на практику введения откупной системы взимания поборов с населения. Следующая встреча персонажей происходит, когда их участи уже переменялись. Мораль басни вытекает из самого сюжета и акцентируется в последней реплике персонажа. Для усиления контраста Сумароков использует редко употребляемый глагол «мерзить» — испытывать омерзение, отвращение «Где, — спрашивал Осел, — ты ныне спесь девал? / Я помню, как на нас на бедных ты плевал». / «Ах, — он отвечивал. — Как я мерзил тобою, / И вижу ныне то вседневно над собою».⁵³

Тема изменчивости судьбы, внезапной перемены участи была одной из самых распространенных в эзоповских баснях. Притча Сумарокова «Орел» стала одним из ее вариантов, хотя отчасти сохранила и иное, изначальное толкование сюжета, к которому она восходит. Самое раннее упоминание сюжета об орле, который был убит стрелой с прикрепленными к ней орлиными перьями, было в трагедии Эсхила (V в. до н. э.) «Мирмидоняне», сохранившейся в отрывках. Птица обвиняет людей в использовании ее перьев против нее самой и утверждает, что люди научились этой жестокости в общении друг с другом. Сюжет получил широкое распространение у баснописцев и художников разных времен и народов. Он был включен в книгу эмблем Гийома де Ла Перрьера (1544) «*Le théâtre des bons engins*» — «Театр изящных приспособлений». Птица, высматривающая зайца, и охотник, метившийся в нее, были изображены в книге эмблем «*Devises et emblèmes*» Даниэля де ла Фейля (1691). Версия басни «Лучник и Орел» со ссылкой на Эзопа была напечатана в книге «Басни Эзопа и Бабриуса» в стихотворном

⁵³ Ежемесячные сочинения. 1756. Янв. С. 64. Подпись: А. С.

перевode Дж. Б. Роуза (Дувр, 1870. Р. 87). Гозвинский в переложении «О орле» и Кашинский в басне «О орле пострелившем» по-своему истолковали сюжетную ситуацию: Орел, пронзенный стрелой насквозь, увидев ушко стрелы, в окружении своих перьев «пред очима его стояще», воскликнул: «От своего перья сам умираю!». ⁵⁴ Басни, опирающиеся на этот сюжет, имели различные толкования: от латинской пословицы «*Sagitta interdum resiliens percutit dirigentem*» («Иногда стрела возвращается к выпустившему ее») до осуждения гордыни, осознания вины в собственной смерти и невозможности полагаться на свои силы, до обвинения людей в том, что одни становятся оружием против других, как у Лафонтена в басне «*L'oiseau blessé d'une flèche*» («Птица, раненая стрелой»). Басня Лафонтена в различных изданиях была иллюстрирована гравюрами Е. Ламберта, Ж.-Б. Угри, Ф. Шово, Г. Доре, К. Жиродо и других художников.

В книге Летранжа басня «Орел со стрелою» (Летранж: 199–200) объединена «Учением» и «Примечанием» с другими баснями («Лес и топор», «Мужик и клин» и «Дрозд птичьим клеем пойман») одной моралью: «Человеку в несчастьи то горестнее всего, ежели от безумия своего пропадает, или сам своей беде причиною сделается»: «Орел, сидячи на пне, хотел зайца поймать, а между тем самого его стрелою ранили...». В «Примечании» говорится о необходимой предосторожности в поступках, о предусмотрительности и опасных следствиях от исполнения безрассудного обещания, что больше касается басни «Лес и топор»: Лес щедро позволил Плотнику взять у него не одно, а два топорщища, а потом пожалел об этом. В басне Сумарокова повествовательная часть превалирует над моралью. Он не упоминает о хищных намерениях птицы, а описывает ее мощный и свободный полет и чувства, которые она испытала, когда этот полет неожиданно прервался: «Орел летит, / И воздух весь под ним, колебляся, свистит. / Он тучи попирает / И к солнцу свой полет отважно простирает, / И всю подсолнечну оттоле озирает. / Он выронил перо в полете из крыла, / И стало копейцо от этого стрела. / Стрелок Орла подметил, / И в самых облаках стрелой Орла осетил. / Падет Орел, и пад, сии слова вещал, / Когда он томный дух из тела испушал: / „С тоской мой боль умножен, / Что прежде был, летя, я толь не осторожен, / Дал сам из крыл моих

⁵⁴ Тарковский Р. Б. Тарковская Л. Р. Эзоп на Руси... С. 247, 293.

оружье на себя. / О ты, перо мое, кончаюсь от тебя!“».⁵⁵ Обращение к сфере чувств придавало лиризм басенному сюжету. В то же время, некоторые сюжеты из книги Летранжа Сумароков перелагал, не внося в них заметных изменений. Это касается коротких басен: «Стрелок и Змея» (у Летранжа — «Стрелок с голубем») «Два крадуна» (у Летранжа — «Два малых и повар»), «Свинья и Волк» (у Летранжа — «Волк и свинья»), «Судно в море» (у Летранжа — «Два неприятеля на море»).

В своей басенной практике Сумароков трижды использовал композиционный прием Летранжа, объединявшего одной моралью схожие басенные сюжеты. Сумароков применил его в баснях собственного сочинения и делал это по-своему. Басня получала два названия и один сюжет перетекал в другой. Рассказ о расхрабрившейся мышке, которая заявила, что не боится кошки, но, увидев ее, испугалась («Мышь и кошка»)⁵⁶ Сумароков завершает словами: «Коль эта притча не сладка, / Лишь только для того, что очень коротка, / Во вкус нельзя войти всего мне света, / Подоле эта: Боярин был, боярыня была...» Далее следует текст притчи «Боярин и боярыня», напоминающий эпизод из комедии Сумарокова «Пустая ссора» (1757): Боярин хочет с помощью слуги воспротивиться своей властной и вздорной жене, но с позором бежит от нее. Сюжетную пару составляют также притчи «Лекарский слуга» и «Криводогадливые собаки».⁵⁷ Они связаны словами: «Другая басенка». Басни «Кораблекрушение» и «Осада Византии»⁵⁸ объединены только общим смыслом, вытекающим из их сюжета: в критической ситуации нужно принимать разумное решение. Другие русские баснописцы этот прием не использовали.

Переложив восемнадцать сюжетов из книги Летранжа, Сумароков расширил свой басенный репертуар, а в тех случаях, когда обращался к их сюжетам вторично, по-иному раскрывал их выразительные возможности. При этом он часто расширял узкие рамки заимствованного повествования и менял его смысл, наполнял басни актуальными для него сатирическими высказываниями. Это еще раз подтверждает наблюдение В. П. Степанова, что Сумароков «постоянно жил в мире идей

⁵⁵ Притчи Александра Сумарокова. Кн. 3. С. 51–52.

⁵⁶ Там же. Кн. 1. С. 34.

⁵⁷ Там же. Кн. 3. С. 44–45.

⁵⁸ Там же. С. 45–46.

и образов собственного творчества».⁵⁹ Но уже в 1760-е гг. басенное творчество Сумарокова имело не только последователей, но и противников. На смену его сатирическим притчам пришли басни просветительские, в стиле спокойного рассудительного повествования с отчетливой моралистической направленностью.

Некоторые сюжеты из сборника Летранжа обрели новую жизнь в русской рукописной литературе 1770–1780-х гг. в среде крестьян, мещан, посадских людей, купцов, мелких чиновников, младших воинских чинов, став основой для девятнадцати стихотворных жартов.⁶⁰ «Забавные» «увеселительные» жарты писались ритмической рифмованной прозой — тоническим стихом, популярным среди сказочников и раешников. Сочинителей жартов привлекала в баснях не мораль, а «забавные положения, которые можно было приспособить к излюбленной для данного слоя читателей форме — рифмованной веселой новелле».⁶¹ Четыре их сюжета отличались от басен-оригиналов («Рыбак с дудкою», «Юпитер с пастухом», «Малой с ласточкой», «Овчар пошел в купечество») лишь настолько, насколько этого потребовала рифма. В восьми случаях автор жарт продолжает басенный сюжет, придавая ему повествовательный характер, иногда давая тексту новое название. Басня «Венера с кошкою» переложена в жарт «О молодом человеке», басня «Предсказатель» — в жарт «О вещуне», басня «Детина с ложным криком» — в жарт «О малом безумном». К басням Летранжа и названиями и сюжетами близки жарты «О пьянице», «О старом с женами», «О докторе с больным», «О хвастуне», «О старике и смерти» (Адрианова-Перетц: 385–387). Некоторые жарты, сохраняя основу басенных сюжетов, сильно отличаются от них. Жарт «О шуте с лгуном» восходит к басне «Орел и Галка», в которой посрамляется галка, захотевшая подражать орлу. В жарте высмеивается лгун, рассказавший историю о необыкновенных, якобы виденных им, галках. Сюжет Эзопа «Лев и крестьянин» перелагали Бабрий, П. Кашинский, Лафонтен. На этот сюжет из книги Летранжа «Любовью ослепленный Лев» был сочинен жарт, персонажем которого вместо Льва стал дворянин. Отец девушки, крестьянин,

⁵⁹ Степанов В. П. Комментарии // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 186.

⁶⁰ Адрианова-Перетц В. П. Басни Эзопа в русской юмористической литературе... С. 377.

⁶¹ Там же. С. 399–400.

отказывает сватающемуся к его дочери дворянину, ссылаясь на неравенство невесты и жениха, а затем испытывает его разгадыванием загадок («О дворянине с девкою»);⁶² В жарте на сюжет басни «Осел и постельная собака» произошла замена осла дворовым человеком. Ярким бытовым образом ворожейки заменен Меркурий (басня Летранжа «Меркурий и путешественник») в жарте «О обманщике». К многочисленным народным анекдотам о столкновении представителей двух национальностей близок жарт «О двух товарищах» (басня «Двое проезжих и мешок денег»), персонажами которого стали русский и цыган. Таким образом, басни в переложении Р. Летранжа в 1760–1780-е гг. оказались востребованы представителями различных слоев русского общества. Их переложения служили образовательным, нравоучительным, сатирическим и увеселительным целям.

⁶² Подробнее см.: *Архангельская А. В.* Люди и звери в баснях и фациях: параллели, трансформации и метаморфозы // *Риторика бестиарности: Сб. статей.* М., 2014. С. 9–15.